

1001 ночь.

Рассказ о втором брате цирюльника

Знай, о повелитель правоверных, что моего второго брата аль-Хаддара звали Бакбак, и это расслабленный. В один из дней случилось ему идти по своим делам, я вдруг встречаю его старуху и говорю ему: "О человек, постой немного! Я предложу тебе одно дело, и если оно тебе понравится, сделай его для меня и спроси совета у Аллаха". И мой брат остановился, и она сказала: "Я скажу тебе о чем-то и укажу тебе путь к этому, но пусть не будут многословны твои речи". – "Подавай свой рассказ", – ответил мой брат. И старуха спросила: "Что ты скажешь о красивом доме и благоухающем саде, где бежит вода, и о плодах, вине и лице прекрасной, которую ты будешь обнимать от вечера до утра? Если ты сделаешь так, как я тебе указываю, то увидишь добро".

И мой брат, услышав ее слова, спросил: "О госпожа, а почему ты направилась с этим делом именно ко мне из всех людей? Что тебе понравилось во мне?" И она отвечала моему брату: "Я сказала тебе – не будь многоречив! Молчи и пойдем со мною". И затем старуха повернулась, а мой брат последовал за нею, желая того, что она ему описала. И они вошли в просторный дом со множеством слуг, и старуха поднялась с ним наверх, и мой брат увидел прекрасный дворец.

И когда обитатели дома увидели его, они спросили: "Кто это привел тебя сюда?" А старуха сказала: "Оставьте его, молчите и не смущайте его сердца, – это рабочий, и он нам нужен". Потом она пошла с ним в украшенную горницу, лучше которой не видали глаза; и когда они вошли в эту горницу, женщины поднялись и приветствовали моего брата и посадили его рядом с собою, а спустя немного он услыхал большой шум, и вдруг подошли невольницы, и среди них девушка, подобная лупе в ночь полнолуния. И мой брат устремил на нее взор и поднялся на ноги и поклонился девушке, а она приветствовала его и велела ему сесть; и он сел, она же обратилась к нему и спросила: "Да возвеличит тебя Аллах, есть в тебе добро?" – "О госпожа моя, все добро – во мне!" – отвечал мой брат. И она приказала подать еду, и ей подали прекрасные кушанья, и она стала есть. И при этом девушка не могла успокоиться от смеха, а когда мой брат смотрел на нее, она оборачивалась к своим невольницам, как будто смеялась над ним. И она выражала любовь к моему брату и шутила с ним, а мой брат, осел, ничего не понимал, и от сильной страсти, одолевшей его, он думал, что девушка его любит и даст ему достичнуть желаемого.

И когда кончили с едою, подали вино, а потом явились десять невольниц, подобных месяцу, с многострунными лютнями в руках и стали петь на разные приятные голоса. И восторг одолел моего брата, и взяв кубок из ее рук, он выпил его и поднялся перед нею на ноги; а потом девушка выпила кубок, и мой брат сказал ей: "На здоровье!" – и поклонился ей; и после этого она дала ему выпить кубок и, когда он выпил, ударила его по шее. И, увидя от нее это, мой брат вышел стремительно, а старуха принялась подмигивать ему: вернись! И он вернулся. И тогда девушка велела ему сесть, и он сел и сидел, ничего не говоря, и она снова стала бить его по затылку, но ей было этого недостаточно, и она приказала своим невольницам бить его, а сама говорила старухе: "Я ничего не видела лучше этого!" И старуха воскликнула: "Да, заклинаю тебя, о госпожа моя!"

И невольницы били его, пока он не лишился сознания, а потом мой брат поднялся за нуждою, и старуха догнала его и сказала: "Потерпи немножко: ты достигнешь того, чего ты хочешь". – "До каких пор мне терпеть? Я уже обспамятел от подзатыльников", – сказал мой брат; и старуха ответила: "Когда она захмелеет, ты достигнешь желаемого". И мой брат вернулся к своему месту и сел. И все невольницы, до последней, поднялись, и женщина приказала им окурить моего брата и опрыскать его лицо розовой водой, и они это сделали; а потом она сказала: "Да возвеличит тебя Аллах! Ты вошел в мой дом и исполнил мое условие, а всех, кто мне перечил, я прогоняла. Но тот, кто был терпелив, достигал желаемого". – "О госпожа, – отвечал ей мой брат, – я твой раб и в твоих руках"; и она сказала: "Знай, что Аллах внушил мне любовь к веселью, и тот, кто мне повинуется, получает, что хочет". И она велела невольницам петь громким голосом, так что все бывшие в помещении исполнились восторга, а после этого она сказала одной девушке: "Возьми своего господина, сделай, что нужно, и приведи его сейчас же ко мне".

И невольница взяла моего брата (а он не знал, что она с ним сделает), и старуха догнала его и сказала: "Потерпи, потерпи, осталось недолго!" И лицо моего брата просветлело, и он подошел к девушке (а старуха все говорила: "Потерпи, ты уже достиг желаемого") и спросил старуху: "Скажи мне, что хочет сделать эта невольница?" И старуха сказала: "Тут нет ничего, кроме добра! Я – выкуп за тебя! Она хочет выкрасить тебе брови и срезать усы!" – "Краска на бровях сойдет от мытья, – сказал мой браг, а вот выдрать усы – это уже больно!" "Берегись ей перечить, – отвечала старуха, – ее сердце привязалось к тебе". И мой брат стерпел, чтобы ему выкрасили брови и выдрали усы, и тогда невольница пошла к своей госпоже и сообщила ей об этом, и та сказала: "Остается еще одна вещь – сбреи ему бороду, чтобы он стал безволосым".

К невольнице пришла к моему брату и сказала ему о том, что велела ее госпожа, и мой дурак брат спросил: "А что мне делать с позором перед людьми?" И старуха ответила: "Она хочет это с тобой сделать только для того, чтобы ты стал безволосым, без бороды и у тебя на лице не осталось бы ничего колючего. В ее сердце возникла большая любовь к тебе, терпи же: ты достигнешь желаемого".

И мой брат вытерпел и подчинился невольнице и обрил себе бороду, и девушка вывела его, и вдруг оказывается – он с накрашенными бровями, обрезанными усами, бритой бородой и красным лицом! И девушка испугалась его и потом так засмеялась, что упала навзничь и воскликнула: "О господин мой, ты покорил меня этими прекрасными чертами!" И она стала заклинать его жизнью, чтобы он поднялся и поплясал; и мой брат встал и начал плясать, и она не оставила в комнате подушки, которую бы не ударила его, и все невольницы тоже били его плодами вроде померанцев и лимонов, кислых и сладких, пока он не упал без чувств от побоев, затрещин по Затылку и бросания.

И старуха сказала ему: "Теперь ты достиг желаемого. Знай, что тебе не будет больше побоев и осталось еще только одно, а именно: у нее в обычай, когда она опьянеет, никому не давать над собою власти раньше, чем она снимет платье и шальвары и останется голой, обнаженной. А потом она велит тебе снять одежду и бегать и сама побежит впереди тебя, как будто она от тебя убегает, а ты следуй за ней с места на место, пока у тебя не поднимется зебб, и тогда она даст тебе власть над собою".

"Сними с себя одежду", – сказала она потом; и мой брат снял с себя все платье (а мир исчез для него) и остался нагим..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Тридцать вторая ночь

Когда же наступила тринадцатая вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что брат цирюльника, когда старуха сказала ему: "Сними с себя одежду", – поднялся (а мир исчез для него) и снял с себя одежду и остался нагим, и тогда девушка сказала ему: "Вставай теперь и беги, и я тоже побегу, – и тоже разделась и воскликнула: Если ты чего-нибудь хочешь, следуй за мной!" И она побежала впереди него, и он последовал за нею, и она вбежала в одно помещение за другим, и мой брат за ней, и страсть одолела его, и его зебб вел себя, точно бесноватый. И она вбежала впереди него в темное помещение, и мой брат тоже за ней, и он наступил на тонкое место, и пол провалился под ним, и не успел мой брат опомниться, как оказался посреди улицы, на рынке кожевников, которые продавали и покупали кожи. И, увидев моего брата в таком виде – нагого, с поднявшимся зеббом, с бритой бородой и бровями и с красным лицом, торговцы закричали на него и захлопали в ладоши и стали бить его кожами, так что он лишился чувств. И его взвалили на осла и привезли к вали, и вали спросил их: "Кто это?" И они сказали: "Он упал к нам из дома везира в таком виде". И тогда вали приказал дать ему сто ударов бичом по шее и выгнал из Багдада; и я вышел и догнал его и провел его тайно в город, а затем я назначил ему то, что нужно для пропитания. И если бы не мое великолодущие, я бы не стал терпеть подобного ему.